

Айра Ольдриджа. Шевченко не могъ не сойтись съ нимъ, въ нихъ обоихъ было слишкомъ много общаго: оба — чистыя, честныя души, оба — настоящіе художники, оба имѣли въ воспоминаніяхъ юности тяжелыя страницы угнетенія. Одинъ, чтобы попасть въ страстно любимый театръ, входъ куда былъ запрещенъ „собакамъ и неграмъ“, нанялся въ лакеи къ актеру, — другой былъ высѣченъ за сожженный за рисованіемъ огарокъ... Они не могли объясняться иначе какъ съ переводчикомъ, но они пѣли другъ другу пѣсни своей родины и понимали другъ друга. Ольдридждъ, затруднявшійся произносить русскія имена, не иначе называлъ Тараса Григорьевича какъ „the artist“. Часто присоединялся къ нимъ Ант. Гр. Контскій, аккомпанировалъ Шевченкѣ малороссійскія пѣсни, наводилъ тихую грусть торжественными звуками Моцартовскаго Requiem'a и вновь оживлялъ присутствующихъ мазуркой Шопена. Иногда всѣ гости наши хоромъ пѣли „Внизъ по матушкѣ“. Музыка приводила Ольдриджа въ восторгъ, русскія пѣсни и особенно малороссійскія нравились ему.

Г-нъ Чалый говоритъ по поводу посѣщеній Ольдриджемъ мастерской Шевченка, который рисовалъ его портреты: „являлся Ольдридждъ, комната запиралась на ключъ и Богъ ихъ знаетъ, о чемъ они тамъ говорили“. Впрочемъ, знаю нѣсколько и я, такъ какъ всегда присутствовала при этомъ, и охотно дѣлюсь съ читателями. Приходили мы къ Шевченкѣ троимъ: Ольдридждъ, моя десятилѣтняя сестра, которую Ольдридждъ, послѣ того, какъ она заявила, что хотя онъ и негръ, но она сейчасъ пошла бы за него замужъ, называлъ своей „little wife“ — и я. Трагикъ серьезно садился на приготовленное мѣсто и сидѣлъ нѣсколько времени торжественно и тихо, но живая натура его не выдерживала, онъ начиналъ гримасничать, шутить съ нами, принималъ комически-испуганный видъ, когда Шевченко смотрѣлъ на него. Мы все время хохотали. Ольдридждъ получалъ позволеніе пѣть и затягивалъ меланхолическія, оригинальныя негритянскія мелодіи или поэтическіе старинные англійскіе романсы, соискъ у насъ неизвѣстные. Тарасъ слушалъ и заслушивался, а карандашъ праздно опускался на колѣни. Наконецъ, Ольдридждъ вскакивалъ и пускался плясать какую-нибудь „gig“, къ вышнему восторгу моей сестренки. Потомъ мы всѣ отправлялись къ намъ пить чай. Несмотря на оригинальность такихъ сеансовъ, портретъ былъ скоро оконченъ, подписанъ художникомъ и моделью находится теперь у меня.

Въ 1859 году пріѣхалъ въ Петербургъ Н. И. Костомаровъ и тоже сдѣлался нашимъ постояннымъ гостемъ. Какія были отношенія между имъ и Шевченкомъ, лучше всего показываетъ маленький анекдотъ, рассказанный самимъ Тарасомъ Григорьевичемъ: „Прихожу я вчера къ Костомарову, звоню, онъ самъ открываетъ; „чортъ, го-